

Н. И. Тананаев

Я В ДАЛЁКОМ ПУТИ

Очень странно пришлось
Убегать от всего, что держало.
Параллельность полос
На дороге, ведущей к причалу;
Там слепая вода,
Блеском солнца игравшая с небом,
Умывала борта
Старой лодки, которую где бы
Не носило впопыхах,
Не швыряло по пепельным волнам,
Обходил липкий страх,
Захлебнувшись ветром и болью.
Я был принят на борт,
Я смотрел в незнакомые лица;
Здесь уют и комфорт,
Значит, что-то, конечно, случится –
Крики: «Дайте огня!».
И слепой капитан
Мне напомнит лихое начало
И оставит меня
Там, где серый туман,
Далеко от войны,
На заброшенном старом причале...

Неоткрытая дверь,
И замок, и забытые ставни –
Средоточье потерь,
Что теперь мне так дороги стали.

Я в далёком пути
По разбитым небесным дорогам.
И весна впереди,
И у сердца – щепа от порога.

По пути – города,
Песни солнца и хохот вокзалов,
Слишком тихая даль.
Стаял снег. И как будто кого-то не стало...

Я В ДАЛЕКОМ ПУТИ

Бестолковая фантазия,
Будто все мы будем счастливы,
Запасём веселье на зиму,
В сказки вешнего причастия.

Фонари заменим звёздами,
Закидаем снегом улицы,
Будет радость детям роздана,
Будут песни за околицей...

Рано утром выйду из дома,
Мне таких не надо радостей,
Мне бы только ветра быстрого
Да кораблик с крепким парусом.

Я найду на небе звёздочку
И возьму беззвучно под руку,
Буду с нею счастлив до ночи,
После – стану в небе облаком.

О бесконечном путешествии

Снова, снова побег от себя,
От тебя до меня ли, любя – не любя,
Вдаль по тёплой зелёной траве
Убежать, улыбаясь глазам фонарей,

А весну спрятать в левый карман
И сорваться скорей к золотым городам,
Так – докуда дотянется нить;
Ничего не увидеть и тут же забыть.

Расстоянье от ночи до сна –
И зачем мне в кармане чужая весна...
Только время, и в нём ничего
Не понять – не заметить; а я не при чём,

Я лишь слушаю песни дорог...
Путь свободен – вперёд, на любой огонёк,
Путь неважен – сгодится любой,
Чтобы снова столкнуться с самим же
собой...

Перестать

Перестать смотреть в черно-жёлтое в крапинку небо
Без границ и надежд. Успокоиться, глядя в огонь,
Найти дела позанятней, заесть их горбушко хлеба,
Сплюнуть под ноги звёздам, подняться и двинуть домой...

Перестать рисовать на обоях картинки из жизни,
Не смотреть на них вовсе, распять на мольберте любовь.
Как легко и светло, когда ты так много не видел,
Кроме слёз, облаков за стеклом и собственных слов...

Время молча сидеть, ненавидеть себя, не иначе
Сквозь замочную скважину – поздно, теперь всё равно.
Кто смеётся сейчас, захлебнётся потом в нескончаемом плаче,
А я буду смотреть на себя сквозь разбитое мною окно...

Партизан

О чём пели шальные ветры
 На просторах моей
 Бесконечной Вселенной –
 От стены до стены?
 Н.Е.Я.

А потом тебе скажут, что всё это было не так
 Или просто в тени, под дождём, за разбитым стеклом.
 Под ногами дорога от спички до углей костра,
 Не сумевший пройти подыхает в траве за углом.

Растащили мечту на обрывки и с ветром вперёд.
 Ты бежал, только первым был всё-таки кто-то другой,
 Проползая по рельсам и дальше навылет да вброд –
 – Кто же знал? – пока пуля тебя не окликнула: «Стой!».

Обязательность смерти наивна, и тянет ко сну.
 Вот тебе за весну, за листву, за сомненья и смех –
 Рассчитались навеки и спрятались в тёплом лесу.
 Отвернись. Не смотри. Здесь весны не хватает на всех...

Ночью слышно пение берёз,
 Ночью небо капает со звёзд,
 Чтобы лаял за оградой пёс,
 Чтобы только людям не спалось,
 Так, перешагнув через порог,
 Мы выходим в темноту дорог
 В лучшем направлении – вперёд.
 Ветер с моря нам не принесёт
 Вечный счёт за прожитые дни.
 Шаг за шагом – дальше от земли...
 Молча будем мы с тобой идти
 Под руку – по Млечному пути...

Посвящение июньскому вечеру

Бесёнок и хитрец, смешливый шут,
 Ты веселил нас приближеньем ночи
 И радовался сам игре минут,
 Припрыжке нерифмованных отточий,

Рождённых, чтоб продлить наш разговор,
 Когда молчанье тяжелей разлуки.
 Ты зажигал зелёный светофор
 И пожимал мне на прощанье руку.

Ты в мир земной явился умереть,
 И время подошло – немеют пальцы,
 Темнеет небо, в небе – звёздный свет...
 Но как бы я хотел, чтоб ты остался –

Ведь в сумерках под сводами вокзала
 Тебя мне было бесконечно мало.

Я В ДАЛЕКОМ ПУТИ

Надоело писать
Каждый раз об одном и том же
И всегда, как у всех,

В дремучий асфальт
Опостылевшей гнотой рожей –
Выгрызать свой успех.

Из кричащей земли,
Утирая мятых рукавом губы,
От налипшей пыли
Перекусывая подгнившие трубы,

Если вдруг надоест,
Отплеваться – а ну его к тряпкам,
Недоташенный крест –
Мой поход за успехом – не жалко...

Может, выпадет масть
Я найду свой успех – чуть позже
Но сначала – домой.

Надоело писать
Каждый век об одном и том же
И об стол – головой...

Конец света

Полевая роса – холод шага навстречу победе.
Жизнь прекрасно мила в разноцветье искрящихся слов.
Обернись – оглянись – здесь никто тебя больше не встретит,
Человек, потерявший себя в пустоте поездов.

В середине вселенной, как слово на грязном заборе,
Растворённый в закатах, растоптанных подлостью дней,
Ты идёшь по бездонной дороге, навеки проспорив
Свою жизнь, свою смерть и десяток хороших друзей.

Торопиться нет смысла; присесть на обочине, чтобы
Посмотреть на весну, на её золотую зарю,
Лишь убитая ласточка в сердце бессмысленной злобы
Впереди – позади – пустота. Постою. Покурю.

Время

Время идёт долго,
Время идёт молча,
Кукле стоять на полке,
Значит, не жить больше.

Можно глядеть в окна,
Можно блевать в ванной,
Время потерпит, только
Оно не придет за нами.

Солнце высушит память,
Я тебя не узнаю.
С крыш начинает капать –
Быть безумному маю.

Тогда мы проснёмся утром –
Ясное солнце в ладонях.
Нам будет светло, как будто
Нас кто-то вчера понял.

Сидели, смотрели на мягкие волны,
На сонное утро и чаячий ветер,
А солнце вставало сверкающе-
полным,
Зайти не успев, в горизонты не метя.

Стояли, смеялись над криками шторма
И в мутную воду бросали окурки,
Купались в дожде и глушили моторы,
И спиртом сушили промокшие куртки.

Вечность

Убийца времени не найден
И, как мгновение одно,
Как перевёрнутые слайды,
Проходит осень за окном.

Повсюду звёзды, вспышки, блёстки,
Блеск молний, крылья вееров,
А я стою на перекрёстке
Никем не пройденных миров.

Лишь здесь светло и одиноко,
Безгрешный край – под властью льдов.
В кристальных гранях нет порока,
Сквозь них на мир глядит любовь...

В тот вечер осенний на острове
далнем,
В тот вечер, залитый вечерним
багрянцем,
В высокой траве я оставил под камнем
Того из себя, кто хотел бы остаться...

Вечером у моря

Откажусь, а от чего – не знаю,
Главное – чтоб не было обидно.
Огоньки от края и до края,
И ни неба, ни земли не видно.

Звёзды холодных острые отточья,
Фонари (с бессонницею спорят)
Или в темноте солёной ночи
У людей сердца горят от боли?

Я стою и ни о чём не спорю,
Кто-то рядом машет мне рукою.
Это только кажется, что море
В темноте смеётся надо мною...

Тихое поле,
Ветер траву колышет.
Этой весною
Что здесь творилось – слышал?

Вытаял снег –
Мягкий, как всё живое.
Кончился век.
Что это было такое?

Возле и после –
Тени ушедшей секунды.
Отблеск и отсвет...
Время, я больше не буду.

Жить взаперти
Зорь и закатов – дальше!
Время, прости –
Я просто не стану старше.

Я В ДАЛЕКОМ ПУТИ

Одолжи у русалки море
И улыбки рыб разноцветных,
Чтобы видеть во сне узоры
В серебристых кораллов ветках,
Чтобы жемчуг кидать в дельфинов –
Может быть, хоть один заметит
И посадит к себе на спину.
А когда попадешься в сети,
Думай только о лунной дорожке
И ещё – обо мне немножко...

Одолжи у бабочки ветер,
Тёплый ветер в полях печальных,
Чтобы звёзды – как ярко светят! –
В темноте с тобой не молчали,
Чтобы утром какой-то мальчик
От стыда и нежности плача,

Целовал твои нежные крылья,
Наглотавшись дорожной пыли.
Думай только о ветре тёплом
И пыльце на губах ребёнка.

Одолжи у зимы поэму,
Улыбнись – и вернутся птицы.
Смейся громче – в клочки разлетится
Над Москвой чёрно-белое небо.
Двор заполнится птичьим гамом,
Цепь зимы разорвётся на части,
Чтоб потом расплатиться с долгами.
Одолжи у поэта счастье,
А на сдачу купи себе чая,
Ведь такие долги прощают.

Утренние мужчины

Этим воскресным утром
Во многих российских квартирах
Подъём совершают трудный
Утренние мужчины.

Лёжа ничком на кровати,
С вечера не раздевшись,
Голову мягко обхватят
Руками своими – нежно,

Чтобы не расколопась
От дрожи в руках бессильных.
Шум в голове тяжёлой
Утреннего мужчины.

Волю в кулак собирают,
Сжимая ослабшие пальцы.
Стонут, с кровати сползая,
Чтоб до воды добраться.

Нет спаще водопроводной
Воды – после градусов винных.
Так думают благородно
Утренние мужчины

Курят, воды напившись
И вспоминают уныло,
Какой же стакан был лишним
И сколько всего их было...

В тридцатом королевстве сна
Снег весёлый распластался по полю,
И теперь повсюду тишина –
Просят всех, чтоб по снегу не топали...

Здесь уже давно не ждут весны,
Только солнце зажигает искрами
На сугробах снежные цветы
С тонкими и призрачными листьями.

Раз, заснув, я оказался здесь,
В городе – за снежными стенами,
В комнате – с окном на мёртвый лес,
В доме – для меня из выоги сделанном.

Я, заснув, проснуться не могу.
Шепчет выюга: «Не спеши... Приехали...
Пусть в июльский зной тебя найдут
На земле... Со смерзшимися веками».

Всепогодность тоски я усвоил на школьной скамье,
Аттестат недозрелости выжжен на мокрой спине,
С этих пор я урод в обречённой на счастье семье.
И хотя я такой не один – что от этого мне?

Я боюсь темноты – в ней так просто увидеть себя.
Я люблю темноту – в ней я вижу чудесные сны.
Остального – я просто боюсь; и встревоженный взгляд
Между вами и мной так привычно разводит мосты.

Вы желаете радости мне – только что мне до вас?
И до радости – что? Но, сливаясь в единый мотив,
Липнут буквы на строчки, как будто последний мой шанс
Крикнуть в осень, сквозь стёкла и хрипы, что я ещё жив!

Ушли те белые ночи,
Где было – нет, не светло, как днём,
Но солнце ставило прочерк
Чуть жизни свечки короче
В небесной пытке вечным огнём.

Пришли вечерние тени,
Стаканы-рюмки, поиск причин,
Но по темнеющим стенам
Скользил – неловкий, как тело
Людское, – скромный отблеск свечи.

Дышала в сумерках осень,
Летели к звёздно-глухим небесам
Мои немые вопросы...
Висел на погнутых соснах
Заинdevевший спелый туман.

И бездорожье фантазий
Вокруг – попробуй пройтись босиком,
И столбенеющий разум,
И песня – фраза за фразой –
Как растворённый в сумерках сон.

В душе зажжённый закатом
Горел костёр из сомнений и вер...
Пусть всё, что словом объято,
И всё, что выдумал – свято,
А искры – пусть поднимаются вверх.

Пусть просыпается солнце,
Росой искрится северный хвош,
Туман над соснами вьётся,
Когда свеча задохнётся,
Я провожу своим взглядом ушедшую ночь.

Где же спички? Чиркнул – бросил,
Не сидеть же в темноте.
За окном сырья осень
Ревматизм, кефир, постель.

И горит огонь в камине –
Пламя спичечной души,
Про которую – забыли
И которую – сожгли...

Я В ДАЛЕКОМ ПУТИ

Ненужная и глупая случайность,
Шаг в сторону из замкнутого круга,
Как на ходу ребёнок, спотыкаясь,
Хватает воздух, вширь раскинув руки –

Я говорю в обиженные лица
Неловко извиняющимся взглядом –
Нарушив нелогичностью порядок:
«Простите, люди! Я поторопился...».

Я повторяю с жалобным смиреньем,
Потерянный во тьме противоречий,
Во сне обняв кого-нибудь за плечи:
«Не плачь! Я думал, это всё изменит...».

Я убегаю от своих же мыслей,
Чтобы потом, когда огреют свистом,
Шептать, забившись в самый дальний угол:
«Вы извините – просто не подумал...».

Над миром торжествует неизменность
(Что в целом – не препятствие изменения),
И стены, что вокруг меня вертелись
Вчера – всё те же каменные стены.

Мой город спит, пока, давясь от смеха,
Я волоку сквозь вздутие улыбки
Витрин, по асфальтированным рекам
Свои великолепные ошибки.

Они висят над сгорблленной спиной,
Как белый флаг над сдавшимся без боя,
Тавро на оклеветанной кобылице.

Их можно сбросить... проще – утопиться.

К эпиграммам Саши Чёрного

Не умеют жить в России,
Да и некому уметь.
В водке – правда, в правде – сила,
Иностранцам точно – смерть.

Вместо жизненных идиллий
В пустоте весенних дней
То застрелится – Владимир,
То удавится – Сергей.

Обмешанившийся клоун,
Разгрузиненный силач...
Можно ль было ждать иного
От простых советских кляч?!

Не умеют пить поэты
(Кроме женщин; этим – что?) –
Сплошь бордели, сплошь банкеты
И в блевотине пальто.

